

А.А. Козлов,
специалист МБУК «Череповецкое музейное объединение»,
экскурсовод

Семейные ценности Верещагиных.

Темой краеведческих Чечулинских чтений в 2014 году стали «Традиции и ценности культуры». Данная публикация посвящена тем нравственным ценностям, что бытовали в семье художника Василия Васильевича Верещагина, нашего выдающегося земляка. Не только он, но практически все члены большой семьи Верещагиных были талантливыми людьми. С 1984 года память об этом сохраняется в череповецком музее Верещагиных. Причем музей представляет собой не просто выставку, а является домом-музеем. Попадая в ДОМ, гости узнают о ЖИЗНИ его хозяев: той СЕМЬИ, которая в доме жила. Именно понятия «семья» и «дом» – есть те важные ценности, что имели большое значение для Верещагиных. В семейных письмах и воспоминаниях сохранились очень важные и трогательные сведения об их домашней жизни.

Например, именно благодаря письмам известно, что матушка Анна Николаевна Верещагина обращалась к своим детям с большой любовью и неперенными словами: «Дорогое ты мое золото», «друг милый Вася», «голубчик ты мой», «золотой ты мой дружок», «Васютушка», «милый дорогой сын мой», «мой хороший добрый сын Вася», «мой милый друг», «сердечный Вася», «добрейший мой Сержик», «милый Васютка». А из воспоминаний ее сыновей мы знаем, что Анна Николаевна «была, как говорят, в молодости красавица, высокая, стройная брюнетка. Она осталась после матери ребенком и воспитание получила под надзором строгого старика-отца, умного и набожного. Характера она была открытого: горе ли, радость, все равно, не могла скрыть, должна была непременно с кем-либо поделиться. <...> Всего больше любила она принимать гостей и угощать их». В те времена «казалось, что только и жили для того, чтобы хорошо поить и кормить периодически наезжавших гостей».

Отец художника Василий Васильевич Верещагин-старший любил записывать в своей памятной книжке разные замечательные мысли, среди них такие: «Жизнь наша состоит не в дыхании, смерть не в кончине. Жизнь наша – в соединении с любезными, а смерть – в разлуке с ними», «Чтобы постоянно нравиться, надобно заставить дорожить собою», «Хозяюшка в дому, что оладушек в меду», «Наказывая слишком строго детей своих, мы делаемся виновны во всем том зле, которое происходит от их несчастья», «Горе сердцу, не любившему смолоду», «Одна любящая душа, один сочувствующий звук вознаграждают за ненависть и оскорбления толпы», «Вежливость всегда скромна, нежна и любезна», «Улыбка, как луч солнца, всегда приятна», «Добрые дела не разлетаются дымом» и др.

Конечно в то время, если сыновья шалили, родители их наказывали – пороли. Художник В. В. Верещагин позже вспоминал об одном таком случае, произошедшем после его драки с братом: «Сознательно говорю, что надобно избегать так позорно наказывать нервных, впечатлительных детей. Положительно не помню, что дальше было, вероятно что-то очень некрасивое, так как я уходил сверху совсем обиженный, в горьких неутешных слезах – мне казалось, что жизнь закрылась для меня, что никто меня больше не любит... В каминной комнате, куда мы посланы были просить извинения у мамы – она, пока девушка чесала ей

голову, крепко выговаривала нам за то, что „отцу и матери покою не даем”. Я все плакал, держа руку у темени, где слышал боль. Вдруг мамаша вскрикнула и бросилась ко мне: „Что это у тебя? Кровь! Откуда?” Рука моя и волосы на голове были мокры от крови, кожа была рассечена... О, как за мною стали ухаживать, обмывать, утешать, целовать! Слезы мои высохли от ласки, я утешился; брату же, как я после узнал, был сильнейший нагоняй! Он рассказывал мне, уже много лет спустя, что папаша и мамаша говорили ему разные жалостные слова и между прочим, что он мог бы быть „братоубийцею” – это последнее слово его особенно растрогало и смутило».

Описывая свои детские годы, художник В. В. Верещагин всегда с большой любовью вспоминал нянюшку Анну Ларионовну: «Самою выдающеюся, самою близкою и дорогою личностью осталась няня Анна, уже и тогда старенькая, которую я любил больше всего на свете, больше отца, матери и братьев, несмотря на то, что нос ее был всегда в табаке. Не то чтобы она не сердилась и не бранилась; напротив, и ворчала, и бранила нас частенько, но ее неудовольствие всегда скоро проходило и никаких следов не оставляло. В самых крайних случаях, например – непослушания, она грозила оставить нас и уйти навсегда в деревню, и действительно иногда уходила, только не навсегда, а на час времени к брату своему жившему, помню, на въездной улице, в крайней избе, но уж моему горю в этих случаях не было пределов: я бежал за нею, держась за ее платье, до самой деревни, считал себя погибшим, плакал до боли, умолял воротиться и успокаивался не раньше как услышавши ее слова: „Ну, ступай, батюшка, уж приду, да смотри, в другой раз не ворочусь!” И всегда бывало принесет, возвратясь от своих, топленого молока или чего-нибудь подобного – на заешку слез. Няня всех нас любила, и все мы любили ее, но я, кажется, был ее любимцем, может быть потому, что маленький был очень слаб здоровьем. С своей стороны, я любил ее так, что уж, кажется, привязанность не может идти далее».

Еще одно важное воспоминание о детстве связано с поступлением в кадетский корпус и расставанием с всем прежним домашним уютом: «Не хладнокровно рассказываю об этом, кажется, *самом ужасном происшествии в моей жизни*. Впрочем, слова бессильны передать впечатления чувствительного ребенка, каким я всегда был, – впечатления того дня, когда меня отдали в кабалу, в выучку, дрессировку. Ранним утром – все впечатления этого утра убийственно свежи и живы передо мною – поднялись мы с папашей; было еще темно, когда мамаша, благословляла меня, много, много раз крестила, и еще большее число раз целовала, наказывала хорошо учиться и вести себя! Только смутно помню, как тою же противною дорогой отвезли меня в корпус и оставили там, и как мама еще раз приехала потом навестить и привезла так много леденцов, что возбудила мое подозрение: уж не последний ли раз она ко мне приехала? Когда я действительно понял из ее слов при уходе, что не увижу ее более, – так как она сказала: ну, прощай, Вася, мы с папашей уедем теперь в деревню – сердце мое надорвалось. До швейцарской я еще дошел за нею послушно, но там всеми силами вцепился за нее, ухватился за ее руки, платье... не отпущу, не отпущу! ни ее, ни все то, что с нею связано милого, дорогого... насилу отняли, оттащили меня, изверги – о, какое это было преступление оставить меня там, – бросить! Чему хотите, сколько хотите стал бы учиться, но не в казарме, а дома, близ милых, дорогих существ; занятие тогда было бы мне сладко, весело, а не противно!.. ах, почему нельзя воротить этого! Меня свели в комнату классной дамы, где я горько, неутешно плакал до самого вечера. Со следующего дня началась корпусная жизнь, с которой я примирился не примирясь: тогда чутьем, без понимания дела, я сознавал уже, что бесчеловечно лишать ребенка без крайней нужды

родительского влияния; теперь, по прошествии почти полувека, называю это и бесчеловечным и безрассудным».

Существует мнение, будто бы родители не поддерживали начинающего художника, чуть ли не отреклись от него. Это не совсем так, и семейные письма говорят о другом. В воспоминаниях В. В. Верещагина мы читаем: «Я сколотил гроши (дядя прислал 100 рублей, да отец дал столько же), через Штеттин, Берлин поехал в Париж...» Или в другом его письме говорится: «Через год отец мой прислал мне 1000 руб., с которыми я поехал в Париж отчасти с намерением издать нечто вроде Кавказского листка, отчасти для того, чтобы самому учиться. <...> Пробывши зиму в Париже, я снова поехал на Кавказ. Отец снова помог мне деньгами».

В. В. Верещагин не забывал о родителях, в одном из писем домой он просит: «Если есть опасность немедленная в болезни отца, то дай мне знать, я приеду. <...> Передай папаше мой поклон, скажи, чтобы и не думал хворать серьезно». В другом письме пишет: «Запродать мои работы я был бы не прочь и по необходимости иметь деньги для окончания картин „Телиша“ и „Шейнова“ и др., а также, Вам скажу, для того, чтобы отправить за границу моего отца...»

Воспоминания, связанные с смертью родителей, тяжелы: «Первым умер отец. Никогда не болевший прежде, он bravо ответил на вопрос сына, что это с ним случилось: „Заболел, брат, и знай, что это первый и последний раз“. Мать, раньше болевшая в продолжение нескольких лет, лечившаяся чуть не у всех докторов столицы, пережила его, но не надолго: одной ей, как она говорила, не было места на этом свете, и она умерла через два года после мужа».

После смерти отца художник В. В. Верещагин, живший в Париже, в письме брату напишет: «Что-то не достает от того, что не могу поделиться успехом с милым розовым старичком, который ушел от нас. Что мама? Она что-то не отвечает мне. Кабы дотянуть до времени, когда буду в состоянии предложить ей проехаться в теплый климат. Надеюсь, недолго до этого, но как бы не свернулась и она раньше этого. Папа-то милый только выслушал обещание. Дырявые калоши его не идут у меня из ума – вот истинная нравственная казнь, о которой не подозревал прежде...» В память о покойном отце В. В. Верещагин устраивал школу, о чем известно из его переписки 1880 года с В. В. Стасовым и П. М. Третьяковым.

В то время сын «понял, что значит лишиться родителей, какую страшную пустоту оставляет за собою эта непоправимая беда. Он пожалел о своих ссорах с отцом и матерью: понимая жизнь по-новому, в то время как они думали и поступали по-своему, по-старому, – откуда нелады, – он крепко схватывался иногда со стариками; впрочем, в последние годы, часто отлучаясь и видясь реже, он жил с ними мирнее. Решение его покинуть службу <...> встречено было отцом и матерью враждебно: они сулили ему смерть на соломе; но уже первые успехи его заставили их настолько переменить мнение, что еще при жизни они отдали ему часть состояния. Когда же <...> сделался известен и о нем начали говорить и писать, старики стали гордиться им, и мать, смеясь, сознавалась, что при выходе в свет <...> ей смертельно хотелось всем объявить, что она мать его».

Первой женой художника В. В. Верещагина была мюнхенская девушка Элизабет Мари Фишер. Уехав на русско-турецкую войну, В. В. Верещагин писал ей: «Как бы я хотел приехать к тебе, хоть на один день, хоть на одну ночь, чтобы лечь к тебе в постель и крепче поцеловать тебя! Теперь нельзя покамест, но уж приеду же я к тебе и тогда поговорим, как следует». В другом его письме такие слова: «Прощай, дорогая, как приеду, расскажу все подробно и поцелую тебя в нашей теплой постельке крепко, крепко» (1877 г.). Она отвечала ему: «Василий, мой голубчик, мужчина Килили. <...> Я плакала вчера целый день и половину

ночи, теперь мне легче; причина моего горя есть, что ты, как не совсем здоровый пойдешь, где битва. Боюсь, что твоя рана себя опять открывает, как случилось твоему товарищу Скрыдлову. Вася, смотри за собой, что бы ты не опять заболел. Слушай твоя маленькая Лилуша, которая хотела вчера просто идти в воду, если мать мне не удержала бы».

Второй женой художника стала пианистка Лидия Васильевна Андреевская, он писал ей: «Золотая моя Лидушечка-хлопушечка, Леденчик-бубенчик», «Дудушочек милый», «Лидушенчик мой милый», «Целую тебя крепко-накрепко, дурочка ты такая-сякая! Да разве я когда-нибудь переставал любить тебя? За разными мелочами, заботами и маленькими столкновениями любовь моя, может быть, меньше проявлялась, но она не ослабела, и теперь, когда никаких столкновений нет, сказывается как нельзя более сильно – все думы о тебе, о твоём покое, здоровье, о развитии твоего таланта. Главное же ты, ты и ты!» Вот еще слова из его писем: «Я болен беспокойством за всех вас», «Мысленно слежу за всеми твоими покупками, мысленно перебираю и целую все рубашечки, пеленочки и проч.», «Умоляю тебя, голубок мой, читай больше с детками и объясняй, что это развивает их. <...> Верь мне, что чтение с тобой будет иметь громадное влияние, и делай это не урывками, а ежедневно». В одном письме Лидии он говорит: «Трудно будет мне с тобой прощаться, как стану помирать, очень трудно, ведь навсегда! Я боюсь, что скоро придется проделать эту штуку, временами бывает очень тяжело, особенно в сердце беспокойно» (1894 г.). Она писала ему: «Милый мой папочка! <...> Брось, папа, думать о пуле в лоб – тебе это нельзя сделать из-за детей, нельзя их разуть, раздеть и на улицу вытолкать. Ведь ты честный человек, и честным должен быть до конца. Если не сладишь в Америке, приезжай сюда нищим – все равно, будем вместе спасать детей, а то я одна не перенесу удара. Прощай, пока, папа дорогой, будь же добр, крепись! Не прячься от неудачи, смотри ей прямо в глаза. <...> Целую крепко, твоя Лидия Верещагина. Будь здоров, папочка» (1902 г.).

Их старшая дочка Лидочка умерла от болезни в раннем возрасте. Как вспоминал Павел Васильевич Андреевский (брат Л. В. Верещагиной), «горе Верещагина было неопишимо, он громко рыдал, в буквальном смысле колотился головой об стену, считал себя виновником ее смерти», так как нередко наказывал ее, «и последующих детей никогда не тронул пальцем. Из девочек он мечтал сделать хороших матерей и хозяек, из мальчика – разумного, крепкого телом и душой человека. <...> Дети очень любили отца, который часто принимал участие во всех их играх. К своим семейным он относился тепло, с искренней любовью. С Лидией Васильевной жил он очень хорошо, дружно, никаких серьезных ссор у них не было. Жизнь их была тиха: он с утра за работой, она частью с детьми, частью по хозяйству, чаще же с книгой в руках».

Из этих воспоминаний также известно о художнике В. В. Верещагине, что «уезжать он не любил, всегда стремился вернуться поскорее, а если рассчитывал на продолжительное отсутствие, то особенно ласково прощался со всеми домашними; всех перецелует, не исключая прислуги, и с влагой на глазах садится на лошадь, точно расстается навек. С Лидией Васильевной они переписывались ежедневно, и если случайно вследствие переездов он не имел два-три дня известий из дома – выходил из себя». Подтверждением этому является такое письмо В. В. Верещагина П. В. Андреевскому: «Прошу тебя о дружеской услуге: побывай поскорее у нас и все без утайки напиши, кто и чем нездоров. Просто невозможно так поступать, видимо, кто-то болен или какая-то случилась беда, но меня не хотят уведомить – разве это хорошо? Сердце мое разрывает от горя, боязни, тоски! <...> Скажи серьезно – не нужно ли приехать? <...> Прости, что беспокою тебя – да не забудь написать о детках и бабушке – 6 дней без писем,

ведь это жестоко! Я совсем болен от горя и сомнения». П. В. Андреевский вспоминал, что «при ответе на это письмо Василию Васильевичу была послана фотография детей, с которой он не расставался вплоть до своей гибели». А маленькая дочь написала ему: «Милый папочка. Мы не совсем здоровы, у нас насморк, мы не ходим гулять. Погода хорошая, снег тает, все ездят на колесах. Попугай здоров, клетку еще не прислали. Прощай, милый папочка, будь здоров. Твоя дочка Аня Верещагина. Папочка, напиши нам, где ты» (1904 г.).

28 февраля 1904 года художник В. В. Верещагин уехал из дома на русско-японскую войну. Вот воспоминания его сына об этом событии: «Меня и сестер подняли ранее обычного и еще до завтрака, перед восемью часами, позвали к отцу в мастерскую. Матери там не было. Она была в таком ужасном душевном состоянии, что уже не владела своими нервами и осталась в своей комнате. Отец встретил нас у дверей, поздоровался и молча прошел с нами к широкому низкому плюшевому креслу, в котором отдыхал во время кратких перерывов в работе. Он сел, а мы, как всегда, прилепились к нему: я и средняя сестра сели по обеим сторонам на мягкие ручки кресла, а младшая – на колени. Отец был, по-видимому, крайне взволнован и только молча прижимал нас к себе и нежно гладил по голове. Его волнение передалось нам. Мы также молчали, крепко прижимаясь к нему. Через минуту молчания он начал говорить тихим голосом, переходившим постепенно в шепот. Он говорил нам, что уезжает надолго, что не знает, когда вернется, и просил, чтобы мы любили и слушались маму, любили друг друга, не ссорились, хорошо учились, были бы честными и всегда говорили только правду. Потом отец крепко обнял и поцеловал каждого из нас, встал, отвел нас в столовую и, сказав, чтобы мы пили свой утренний чай, вышел в переднюю, быстро оделся, и мы слышали, как хлопнула дверь парадного входа. Окно столовой выходило на противоположную от двора сторону, и экипажа не было видно. Находившиеся в столовой сестрина няня и старая кухарка Авдотья тихо между собой перешептывались. Одни из трех дверей столовой вели в короткий коридор, соединявший главное здание с кухней. Вдруг мы услышали быстрые шаги отца, который прошел через кухню и коридор, открыл двери и остановился на пороге столовой. Мы все трое вскрикнули: „Папочка!“ – и вскочили, чтобы бежать к нему. Но он молча замахал на нас обеими руками, и мы в испуганном недоумении остановились. Отец стоял на пороге, лицо его выражало страшное волнение, а глаза, в которых явно блестели слезы, он быстро переводил с одного из нас на другого. Продолжалось это не более одной или двух секунд, после чего он резко повернулся и вышел. То были последние мгновения, в течение которых мы его видели. Старая кухарка покачала сокрушенно головой и громким шепотом сказала: „Вернулся! Ох, не хорошо это! Не быть добру“».

Через несколько дней после начала русско-японской войны художник погиб на подорвавшемся на минах и затонувшем броненосце «Петропавловске». В 1911 году его вдова Л. В. Верещагина (Андреевская) застрелилась. В. М. Дорошевич писал, что в художнике В. В. Верещагине «было нечто львиное. Весь свой огромный талант он отдал войне с Войной. У него была львиная отвага. Спокойно, без дрожи, по-львиному, зорко все схватывая, наблюдая, присутствовал он при таких сценах, от которых охватывает ужас... Как лев, он жил со своей львицей уединенно, вдали, в пустыне, вдвоем. Хотя и около самой Москвы. За Даниловской слободой, за Серпуховской заставой. Дом строгий, простой, с деревянными неоклеенными стенами, – почти целиком состоял из огромной светлой мастерской. От всего кругом веяло суровостью, величием. Настоящее логовище льва. Товарищей он не знал. Других художников не любил, как другие художники не любили его. В знакомых не нуждался. Поклонников встречал неприветливо. Здесь, как лев со львицей, вдали от всех жил Василий Васильевич

с „подругой дней его суровых” и со своими царственными замыслами. Показать, что такое война. Дать того Наполеона, который был в действительности. Показать, что такое смертная казнь. Написать священную историю в земной правде. Показать наказывающим наказание. Лидия Васильевна, и молодою еще женщиной, разделяла его суровое уединение. А они были люди с любовью к жизни, как и все. Василий Васильевич любил рассказать и послушать, у него была масса юмора, он любил смешить и смеяться, хохотал громко и любил вызывать смех. Лидия Васильевна с интересом следила за жизнью по газетам; смеющийся фельетон был ее любимым чтением. Но подозрительные и чуткие, как пара львов, они сторонились людей и настораживались, когда приближался чужой. Сами не подходили ни к кому, и к ним трудно было подойти. И от удовольствий их веяло суровостью. Для удовольствия они проводили лето на Северной Двине. Поселялись в барке и спускались на ней вниз по реке. То плыли, то приставали на неделю к пустынному берегу. Василий Васильевич писал этюды. Лидия Васильевна варила уху и жарила рыбу... Временами лев покидал свое жилище и уходил на царственную охоту. Львица оставалась одна, ждать возвращения супруга. И однажды лев ушел на охоту и не вернулся. Львица осталась одна. И в самой смерти ее – страдающая львица. Она кончила с собой „за три дня до смерти”. Не боялась умереть, но не хотела умирать. И в то время, как все кругом думали только, как бы продлить, какой бы то ни было ценой продлить жизнь, – она твердою рукой перерезала нить жизни и страданий» (1913 г.).

Сын художника Василий Васильевич Верещагин-младший, покинув Россию во время Гражданской войны, с 1923 года жил в Чехии. Его женой стала Елена Николаевна Ходорович (дочь Н. А. Ходоровича, известного военачальника, генерала от инфантерии). С конца 1940-х годов они жили в Карловых Варах, детей у них не было. В последние годы своей жизни В. В. Верещагин-младший писал: «Ожидаем скорой смерти. Около нас нет ни единого друга, даже хорошего знакомого. Помощи ждать неоткуда. Я бы очень хотел покончить самоубийством, но Ел[ену] Николаевну все еще радует солнце, свежий воздух, зелень... Я все время в отчаянии. Если Ел[ена] Ник[олаевна] умрет раньше меня – я сойду с ума! Если я буду умирать раньше, то буду знать, что покидаю ее на половину моей пенсии, полуглухую, с атрофированными пальцами рук, ... без единого друга, в отчаянии по случаю моей смерти и т. д., и т. д. Мысль о смерти не оставляет меня ни на минуту, и это страшно действует на сердце: сердечных захватов я имел множество. Жду, когда хватит последний!» (1980 г.). В одном из последних его писем сказано: «Мы с Еленой Николаевной умираем. Я на очереди первый. Не могу уже выходить из квартиры на улицу – нет сил. Ел[ена] Ник[олаевна] чуть-чуть сильнее. Около нас нет решительно никого, кто бы нам помогал. Положение более чем ужасное. Боимся, чтобы нас перед смертью не отправили в дом для престарелых: это хуже, чем тюрьма, и при этом нас разлучат, а это самое страшное, что может быть!!» (1981 г.).

Средняя дочь художника Анна Васильевна Верещагина уехала разыскивать своего мужа – Павла Эдуардовича Готвальта, который был призван в Красную Армию и пропал без вести. Из воспоминаний ее дяди П. В. Андреевского известно, что в 1919 году, узнав о гибели мужа, она застрелилась.

Младшая дочь художника Лидия Васильевна Верещагина, оставшись сиротой, воспитывалась у тети. Окончила гимназию, во время Первой мировой войны была сестрой милосердия, после работала секретарем Московского управления театров и Московского театрального совета, писала стихи. Побывав летом 1927 года в Пертовке в гостях у своего двоюродного брата Кузьмы Николаевича Верещагина, она написала замечательные строки:

Я буду знать: и у меня есть тоже
Родной семьи ласкающий уют,
Отчизна дедов и отцов приют,
А что на свете может быть дороже.

Дорогой Кузьма Николаевич, примите
это слабое выражение моего
горячего, искреннего чувства к
Вашей семье, ставшей мне
родной и к родной нам обоим
Пертовке!

Л. В. Верещагина родила сына и умерла через несколько дней после родов. Ее мужем был театральный деятель Владимир Александрович Филиппов, вот слова из последнего письма ему: «Дорогой мой, единственный Володенька! Видно, на то Божья воля, чтобы наше с тобой светлое счастье кончилось. Давай так и уверуем в это, и будем ждать встречи в ином мире. Здесь же заменой меня тебе останется мой кусочек, кусочек самого моего сердца. Знаю, что ты будешь безмерно любить его, и может быть это дело, которое я тебе завещаю – вырастить его таким же хорошим и умным, как ты сам – это дело бóльшее, чем все... Я говорила когда-то, шутя, что если умру при родах, то пусть Анна Емельяновна [Плевако] воспитывает маленького... Сегодня у меня мысли ясные-ясные, спокойные, чистые. Все время видится мне балкон и сад в Малаховке, и все мы, и Плевако, и золото заката сквозь сосны! Милые мои, не просто живите, но пейте каждую каплю жизни жадно и до дна, и знайте, что всё – счастье. Тебе, мой свет, – мое благословение и безмерная благодарность. Я не думала никогда, что можно быть такой счастливой, как я была. Я была безгранично счастлива, такой и ухожу...» (1930 г.).

Все вышеприведенные примеры действительно подтверждают существование вечных ценностей – доброты, уважения родителей и детей, памяти родительского дома, счастливой семейной любви, – поддерживающих людей в жизни и дающих надежду жить. Видно, неспроста В. В. Верещагин-старший когда-то записал в своей памятной книжке: «Всё минется, – сказал апостол, – одна любовь останется». Это слова из речи И. С. Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот», произнесенной в 1860 году: «Всё пройдет, всё исчезнет: высочайший сан, власть, всеобъемлющий гений, – всё рассыплется прахом. „Всё великое земное разлетается, как дым“. Но *добрые дела* не разлетятся дымом; они долговечнее самой сияющей красоты. „Все минется, – сказал апостол, – одна любовь останется“».

(Публикация подготовлена на основе книг В. В. Верещагина, его сына В. В. Верещагина и брата А. В. Верещагина, а также по семейным письмам и документам Верещагиных и Андреевских из собрания Череповецкого музейного объединения и Государственной Третьяковской галереи)